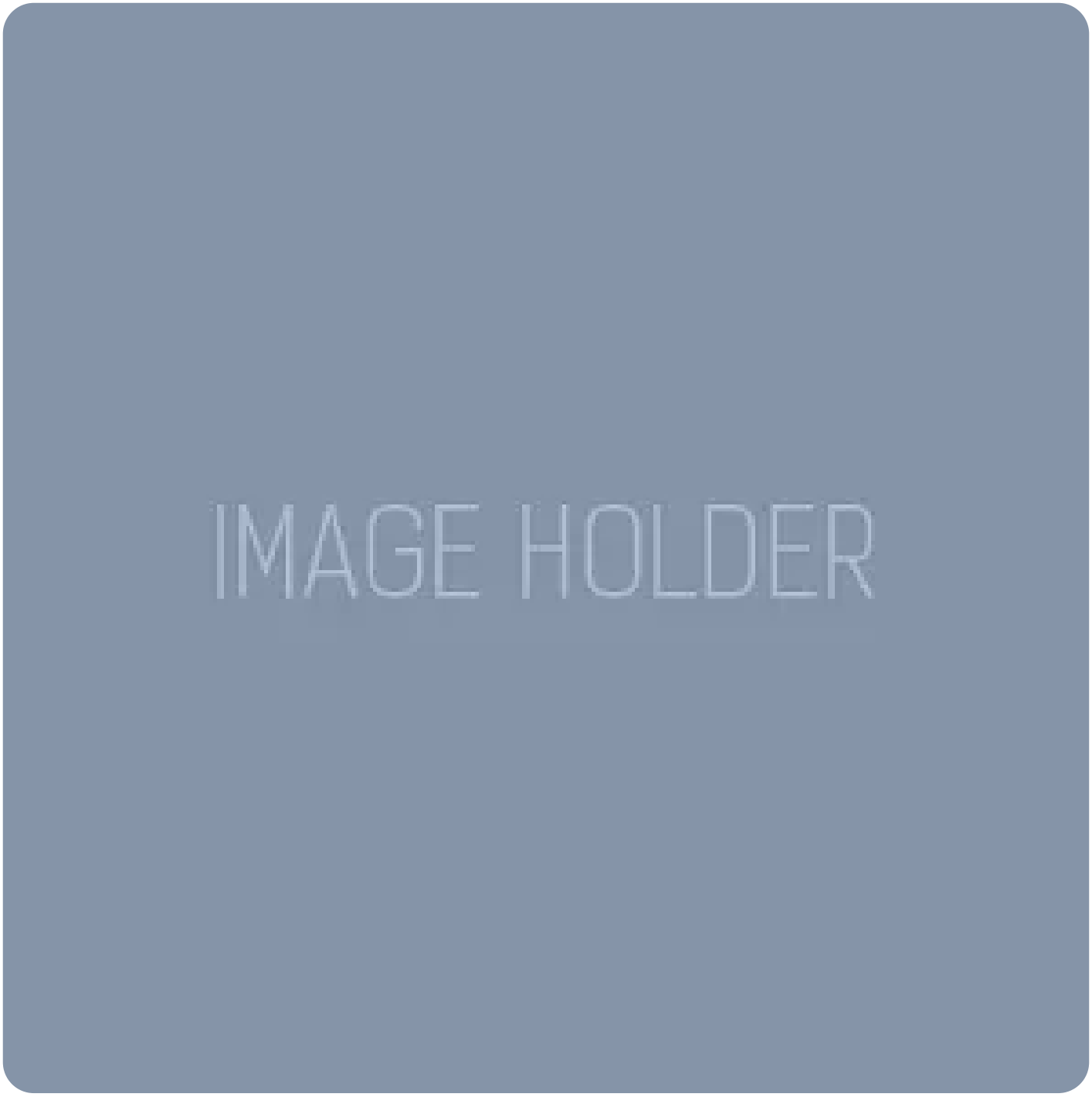

Как у людей

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Рыжук

Ссылка на публикацию

Коня звали Светочем. Он был гнедым и крепким, с широкой грудью, тяжёлым, ровным шагом и тонкой белой полоской прямо посередине морды — от лба к ноздрям. Когда он шёл спокойно по двору, казалось, что земля под его копытами немного проседает. Платону он достался, как все позже стали утверждать,

«ошибочным подарком» в двенадцать лет — вместе с постоянным ощущением, что вокруг ждут от него чего-то другого, но никто толком не объясняет, чего именно.

Прошло двенадцать лет, и отец Платона, дед Пантелеич, часто по привычке называл Светоча «Вжухом» или «Тыгыдыком». Вроде бы прозвище звучало шутя, но в нём слышалось настороженность — будто за спокойным видом скрывалась недюжинная, жёсткая сила, которая может сомкнуть челюсти и не отпустить. Вскоре и остальные тоже стали называть его по-своему — Сквозняк, а иногда и сам Платон вслух звал его по другим прозвищам, когда видел его упрямый, неудержимый напор.

Платон всегда проводил с ним кучу времени. Он вставал пораньше, заходил в конюшню, чистил ему шерсть, аккуратно протирал морду возле белой полоски, расчёсывал и заплетал гриву и хвост, следил за копытами, проверял подстилку и подсыпал сено и овёс. Когда-то Платон объезжал его терпеливо и долго: сначала просто ходил с ним по двору и за околицу, давал обнюхать новые вещи, привыкнуть к голосу и прикосновениям, а потом шаг за шагом приучал к седлу, узде и спокойному движению без рывков.

Поначалу люди заглядывали во двор из любопытства. Конь выглядел хорошо, уход за ним был виден сразу. Но стоило кому-нибудь из местных забраться в седло и попытаться пустить его рысью или галопом, как начиналось одно и то же.

Светоч срывался с места. И не с визга, как бывает у совсем диких или запуганных животных, а как-то ровно и неотвратимо, будто внутри него вдруг включался мотор. Он набирал скорость, вытягивал шею, и белая полоска на его лице мелькала в воздухе, словно натянутая нить, а остановить его не получалось ни у кого. Мужики тянули поводья изо всех сил, упирались ногами в стремена, кричали, ругались, но конь шёл прямо или по большому, тяжёлому кругу, пока сам не сбавлял темп.

— Характер у него, конечно, поганый, — говорил Пантелеич, вытирая пот со лба после очередной неудачной поездки. — Закусит удила — и всё, хоть кол на голове теши. Его бить надо или на короткую работу ставить, а то совсем распустился.

— Ничё не закусывает, — тихо отвечал Платон.

— А что тогда? По ветру носит?

Так споры продолжались бесконечно и бессмысленно на протяжении вот уже нескольких лет с тех пор, как всё это началось. А всё началось тогда, когда Платон сам впервые сел на Светоча и ещё не успел натянуть на себя повод узды. Конь вдруг растащил его. Он гнал быстрее любого транспорта, обгоняя каждый, который встречался на дороге, а Платон никак не мог его остановить. В какой-то момент ему пришла в голову безумная идея: «Что если я попытаюсь увести его вправо силой?» Как только он сумел это сделать, конь тут же со всей силы врезался в забор. Платон перелетел через него, разбивая доски своими ногами. Но Светоч не остановился — он продолжил бежать, только уже рысцой.

На руке у Платона для безопасности была намотана верёвка от узды. Из-за этой самой «безопасности» он едва не лишился жизни. Когда он перелетел через коня, тот стал тащить его волоком за собой по снегу. Платон почувствовал, как конь копытом и всем весом наступил ему прямо на грудь. Но Платон не ощутил боли — словно конь понял, кто оказался под ним.

Платон хорошо понимал, что слова про «характер» или «удила» — это просто удобные ярлыки, чтобы не думать глубже. Всегда, когда он стоял рядом с ним или сидел в седле, он чувствовал, как под кожей перекатывается напряжение. Конь не злился и не пытался его сбросить. Его просто гнало что-то изнутри. Будто ему нужно было добежать до какой-то точки на горизонте, которая всё время отодвигалась.

Платон знал это чувство.

Однажды коня отпустили погулять без привязи, и он ушёл далеко, затерявшись в глухих местах заснеженных убуров. Все искали его, кричали, звали, объезжали ближние лога, но никто не мог найти. Люди качали головами и говорили, что конь или ушёл в чужой край, или попал в беду, потому что у него нет ума и покоя.

Когда конь потерялся, Платон встретился с братом Родионом. Они долго говорили о нём. Платон спрашивал у Родиона с большой надеждой — словно искал в его словах тихое утешение, — найдётся ли он, что он может быть где-то далеко, среди гор. Родион смотрел перед собой спокойно и ровно, без лишних обещаний, и отвечал:

— Возможно.

В этом коротком «возможно» не было ни отчаяния, ни пустой уверенности — только тихое допущение, которое Платон прижал к груди как тонкую нитку.

Платон пошёл в дальние места один. Он шёл туда, куда бы сам пошёл, если бы хотелось скрыться от чужих глаз и перевести дух. В конце концов он нашёл Светоча, когда тот лежал в глубоком сугробе, изнеможенный, пролежавший там неведомо сколько времени. Конь был совсем худ и крупно дрожал от холода и усталости; в ноги ему глубоко впились путы — цепи стёрли кожу и намертво заледенели, так что Платону потом составило большого труда их снять, не причинив ещё больше боли. В копытах застыли огромные комки льда, которые тоже пришлось попотеть, чтобы аккуратно выбить молотком. Платон отогревал его, выхаживал, и уже через неделю-две коню стало гораздо лучше — он снова поднялся, стал крепче и спокойнее дышал в стойле, с той же белой полоской на тёмной морде.

Сам Платон стал жить так же, только без копыт и без седла, разумеется. С утра до вечера в голове крутилось одно и то же беспокойство: нужно что-то делать, куда-то двигаться, успевать, иначе станет тесно и тяжело дышать. Родные постоянно срывались на него и давили со всех сторон: говорили, чтобы устроился на постоянную работу и не держался за глупости. Они делали это с тревогой и по своей доброте, но Платону было досадно от их вечного давления, упрёков и непонимания. Он слушал их и чувствовал, что между ними стоит толстая стена. Они живут по правилам, которые кажутся им ясными и надёжными, а ему эти правила кажутся тесными и чужими. Он не понимал, почему люди так легко соглашаются на тихую, ровную жизнь и пугаются любого резкого движения, а они не понимали, чего ему не хватает.

С ним всё было иначе. Когда Платон подходил к нему в стойле, тот поворачивал голову, прислушивался к его шагам и выдыхал длинным, тёплым облаком воздуха. Платон клал руку ему на шею, проводил пальцем по белой полоске на морде и сразу чувствовал, какой сегодня день: спокойный или тяжёлый. Если конь переступал с ноги на ногу и часто мотал головой, значит, внутри него копился этот самый бег.

— Ну-с, братец, опять не сидится? — говорил он негромко.

Если он садился верхом, то уже не пытался переломить его силой и не тянул поводья напролом. Он просто ехал рядом с его движением, чувствовал, когда ему нужно выпустить пар, а когда — замедлиться и выровнять дыхание. В такие минуты Платону казалось, что он хотя бы ненадолго перестаёт быть лишним в этом мире. Хоть одно живое существо рядом бежит по тем же причинам, что и он сам, и не требует объяснений.

Но так продолжалось недолго.

Однажды в выходной к Платону зашёл один давний знакомый, человек громкий и привыкший всё решать быстро. Он давно присматривался к коню и считал, что Платон зря возится с ним «без толку».

— Слушай, — сказал знакомый, оглядывая двор. — Чего он у тебя просто так стоит? Поехали в поле, я покажу, как с ним надо. А то ты его разбаловал совсем.

Платон хотел сказать, что сегодня не надо, что конь с самого утра нервный и плохо ел, но тот уже шагал к конюшне. Он вывел его, потом быстро вскочил и конь дрогнул, будто его кольнули, и тут же сорвался. Через минуту он уже мчался так быстро, что комья снега вперемешку с землей разлетались из-под копыт в разные стороны. Знакомый Платона побледнел, вцепился в гриву и закричал, чтобы конь остановился. Но тот не слышал ни криков, ни рывков. Он бежал всё быстрее, широко и тяжело, словно пытался обогнать собственный страх и чужую грубую силу.

На шум сбежались соседи. Кто-то кричал, кто-то махал руками, пытаясь перекрыть дорогу, кто-то ругался, что конь покалечит и себя, и человека. Он делал большие круги, пока не выдохся и вскоре сам остановился у дальнего края, тяжело вздымая бока. Знакомый слез на дрожащих ногах, весь в снегу и злой.

— Он бешеный! — выкрикнул он, тыкая пальцем в сторону коня. — Ты понимаешь, что он чуть не убил меня?! Его держать нельзя, он ненормальный!

Вокруг зашумели. Соседи закивали, подтверждая, что так дальше нельзя, что конь опасный, что Платон не справляется и рано или поздно случится беда. Платон стоял молча и смотрел на своего «братца». Тот стоял с опущенной головой, по которой отчётливо выделялась белая полоска на морде, и тяжело дышал. Ему не было страшно за него, но ему было жаль его до боли в груди. Он знал, что его загнали не злые духи и не вредность, а то, что люди всегда пытаются сделать с тем, чего не понимают: напугать, подчинить и заставить бежать в чужую сторону.

Платон тоже не понимал людей, которые стояли вокруг. Для него было загадкой, как можно обвинять коня в том, что он не умеет тормозить. Как можно жить так уверенно, зная ответы на все вопросы, и при этом не видеть самого очевидного прямо перед глазами.

После этого случая родные стали давить ещё сильнее и срываться на Платона почти каждый день. Мать говорила по вечерам с тяжёлым вздохом и упрёками: «Зачем тебе эта головная боль? Вот попомни моё слово: будешь жить спокойно, когда продашь!» Родственники поддакивали: мол, найдётся покупатель,

который знает толк или кому он подойдёт для других дел, а тебе спокойнее будет. Платону было досадно до глубины души — от того, что его не слышат, от того, что снова требуют быть удобным и понятным, но спорить сил уже не оставалось.

Платон долго сопротивлялся. Ему казалось, что если он отдаст его, то предаст что-то важное в себе. Но денег не хватало, дом требовал вложений, а каждый выход из дома сопровождался тяжёлыми взглядами, срывами и разговорами о том, что «пора уже повзрослеть и перестать держаться за ерунду».

Через месяц приехал покупатель из другого района. Это был ещё один «знакомый» знакомого Платона. Спокойный мужчина в плотной куртке и без лишних слов. Он осмотрел коня, посмотрел зубы, ноги, мазнул взглядом по белой полоске на лице, спросил цену и сразу согласился. Для него это была просто сделка — покупка коня, которого можно увезти в другое место и распорядиться по своему усмотрению. Для родных Платона это было облегчение: «Ну вот и славно, закрыли вопрос, теперь всё как у людей».

Светоча погрузили в коневоз. Он зашёл туда медленно, пару раз оглянулся назад — и в полумраке ещё мелькнула белая полоска на его морде, — а потом тяжёлая дверь со стуком закрылась.

Платон стоял у ворот, пока машина не скрылась за поворотом. Шум двигателя постепенно затих, и во дворе стало непривычно тихо. Ни стука копыт, ни тяжёлого дыхания из конюшни, ни привычного напряжения, которое всегда висело в воздухе рядом с ним.

Он вернулся во двор, сел на перевёрнутый ящик и посмотрел на пустое место, где ещё недавно стоял его жеребец. Вокруг по-прежнему шла обычная жизнь: где-то лаяла собака, кто-то чинил забор, кто-то звал кого-то к обеду. Всё было правильно, понятно и спокойно для всех, кроме него.

Светоча продали, и для всех остальных история на этом закончилась. Но Платон сидел и чувствовал, как внутри него, под рёбрами, всё так же ровно и упрямо продолжается этот тихий, неудержимый бег — бег, который нельзя ни остановить окриком, ни продать за деньги.